

ТДК

ПЕРЕСЛАВСКОЕ ЗАЛЕСЬЕ

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
СОБРАНИЕ С. Е. ЕЛХОВСКОГО
Выпуск 2

УДК 398
ББК 82.3
П 27

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 12-01-16017д)*

Составители:

Е.Г. Богина, Т.С. Макашина,
С.Б. Рубцова, С.С. Савоскул

Ответственный редактор

С.С. Савоскул

Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. Вып. 2 / Отв. редактор С.С. Савоскул. — М.: Индрик, 2012. — 536 с., ил. (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов.)

ISBN 978-5-91674-238-1

Настоящая книга завершает публикацию неизвестного памятника фольклорно-этнографического краеведения 1920-х годов – рукописного собрания С.Е. Елховского, хранящегося в Переславском музее-заповеднике. Книга открывается статьей, в которой делается попытка рассмотреть издаваемый памятник в контексте российской истории и науки XX столетия. Основу сборника составляют полевые фольклорно-этнографические записи, сделанные Сергеем Евгеньевичем и его корреспондентами в Переславском уезде, а также в Иваново-Вознесенске и в селах Макарьевского уезда тогдашней Ивановской губернии.

Уникальной особенностью публикуемого собрания, в том числе и данного выпуска, является обнародование нотных записей к множеству песен и частушек, выполненная переславским краеведом на высоком профессиональном уровне. Вошедшие в издание материалы дают всестороннее представление, прежде всего, о сельской и отчасти городской русской народной культуре в переломный период развития нашего общества на примере переславского и двух других локальных сообществ Центральной России.

Издание адресовано этнологам, фольклористам, историкам, культурологам, музыковедам и всем интересующимся русской народной культурой.

© Богина Е.Г., Макашина Т.С., Рубцова С.Б.,
Савоскул С.С., Составление, 2012

ISBN 978-5-91674-238-1

© Издательство «Индрик», оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

С.С. Савоскул

Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского в российском историческом и научном контексте (вместо предисловия)	9
--	---

ЧАСТЬ IV

Переславль-Залесский уезд	41
---------------------------------	----

<i>С.С. Савоскул. Переславский уезд 1920-х гг. и его фольклорно-этнографическое изучение.</i>	41
---	----

1. Переславский уезд в 1920-е гг.	41
--	----

2. О фольклорно-этнографических записях С.Е. Елховского и его предшественников в Переславском крае	54
---	----

I. Календарные обряды	62
-----------------------------	----

Масленица в Переславском крае (материалы для изучения обряда)	62
--	----

Этнографические заметки (из дневника краеведа)	100
--	-----

II. Свадебные обряды	102
----------------------------	-----

III. Песни	126
------------------	-----

Свадебные песни, «указы», «присказка»	126
---	-----

Песни хороводные, игровые, проходные	154
--	-----

Песни обрядовые (календарные)	160
-------------------------------------	-----

Песни лирические	162
------------------------	-----

Поздние лирические песни, баллады, песни литературного происхождения	170
Песни тюремные, разбойничьи, воровские	189
Песни исторические и солдатские	195
IV. ЧАСТУШКИ	200
V. СКАЗКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ, БЫЛИЧКИ, ЛЕГЕНДЫ, УСТНЫЕ РАССКАЗЫ, ПОВЕРЬЯ	253
Сказки о животных	253
Волшебные сказки	254
Бытовые сказки	262
Бытовая сказка-анекдот	265
Бывальщины, былички, легенды, устные рассказы и поверья	265
VI. ПОСЛОВИЦЫ	278
VII. ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР	279
Колыбельные песни	279
Считалки	281
Загадки	283

ЧАСТЬ V

ГОРОД ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК	289
Музыкальный фольклор города Иваново	293
Предисловие	293
Песни игровые, плясовые, хороводные	294
Городской романс, песни литературного происхождения, баллады	309
Исторические песни	342
Песни фабричные, тюремные, хулиганские	344
Песни — потешки	346

ЧАСТЬ VI

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ.....	347
Фольклор Костромского края	350
Предисловие.....	350
Макарьевские частушки	350
Десять песен с. Верховье Солигаличского у. Костромской губ. . .	385
Песни села Вичуга.	386

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Е.Г. Богина.</i> Нотные записи и их место в фольклорно-этнографическом собрании С.Е. Елховского	393
Нотные записи.....	401
Часть 4. Переславль-Залесский уезд	401
Часть 5. Город Иваново-Вознесенск.....	417
Часть 6. Костромской край.....	426
<i>Т.С. Макашина.</i> ВМЕСТО КОММЕНТАРИЕВ:	
1. Фольклор в свадебном обряде Переславского края	431
2. «Новые» песни в собрании С.Е. Елховского	472
<i>Т.С. Громова.</i> Воспоминания о жизни моего отца — С.Е. Елховского.....	485
Примечания и комментарии	503
Сокращения	525
УКАЗАТЕЛИ	527
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБИРАТЕЛЕЙ.....	527
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИСПОЛНИТЕЛЕЙ.....	531
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	532
УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ С.Е. Елховского . . .	533
Список иллюстраций	535

ЧАСТЬ IV

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ УЕЗД

С.С. САВОСКУЛ

ПЕРЕСЛАВСКИЙ УЕЗД 1920-Х ГОДОВ И ЕГО ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

1. ПЕРЕСЛАВСКИЙ УЕЗД В 1920-Е ГГ.

Как уже отмечалось (в предисловии к разделу «Переславль-Залесский» в первом выпуске настоящего сборника), в 1926 г. Переславский у. по численности населения в 7 раз превосходил город Переславль. Сельские жители составляли 86% от всего населения уезда. Таким образом, Переславский у. по доле сельского населения превосходил средний показатель как по РСФСР (82,7%), так и по Центрально-Промышленной области (74,4%), в которую тогда входил. Словом, в то время Переславский край был настоящий «медвежий угол», хотя и расположенный сравнительно неподалеку от столицы. Конечно, в этом «медвежьем углу» были свои, еще более глухие места, недаром же до сих пор про одну из переславских деревень, находящуюся к северу от города, шутливо говорят: «Ченцы — света концы». Глушью, бездорожьем в то время особенно отличались заболоченные места к северо-западу и западу от Переславля. И наоборот, более возвышенные места вокруг озера, а также к юго-востоку и особенно к югу были наиболее плодородны и заселены. На эту часть уезда приходилось две трети населенных мест, в то время как на менее плодородную лесистую и заболоченную северо-западную часть — треть. В отличие от первой, где основным занятием жителей являлось земледелие, во второй части уезда наряду с ним население активно занималось и промыслами, в том числе лесными¹. Особой зоной являлись и являются сейчас пригородные села и слободы — с. Большая Брембола, слободы Ямская, Никитская, Подгорная, Федоровская, д. Докука и Луговая. Значительная часть их населения уже давно была занята в городе, в их быт и культуру активно входили новые городские и фабричные элементы.

Последнее, правда, было характерно, судя по наблюдениям М.И. Смирнова, и в целом для сельского населения уезда и проявлялось как в мате-

1 См.: Смирнов М.И. Переславль-Залесский уезд. Краткий краеведный очерк // ДПЗНПО. Вып. 10. Переславль-Залесский, 1922. С. 16.

1. С. Веськово. 1913 г. Фото С.М. Прокудина-Горского

2. Д. Горки. Из фондов ПМЗ

3. Мельница близ д. Горки. 1926 г. Из фондов ПМЗ

риальной сфере (в одежде больше, чем в жилище), так и в духовной, в том числе в фольклоре. Интересно его замечание по поводу крестьянского жилища. В основном это был четырехстенник, реже пятистенник. Но, как пишет краевед, в «последнее время появилось в деревнях немало жилых строений городского типа, имеющих самое разнообразное расположение, характерной чертой которого является увеличение объема здания, числа комнат и отделение кухни коридором от остальных помещений. Внутренняя обстановка их иного характера: здесь обязательно есть венская и нередко мягкая мебель, буфет, комод и прочее, перекочевавшие главным образом в революцию из города и помещичьих усадеб»².

Относительно же внешнего вида переславских сел и деревень краевед рисует картину, чем-то напоминающую то впечатление, которое произвел на меня Переславль (вернее, его южные окраины), когда я в детстве впервые увидел его поздней осенью 1953 г. М.И. Смирнов писал: «Общий вид селений с почерневшими избами большей частью носит на себе печать суровости и примитивности. Отсутствие уюта и эстетики чувствуется повсеместно»³. И мне после каменного светлого Харькова, где мы прожили предыдущий год, бросилось в глаза скопление небольших деревянных домиков в

2 См.: Смирнов М.И. Переславль-Залесский уезд. С. 33.

3 Там же. С. 16.

4. Праздник «Шестое воскресенье»⁴ на Плещеевом оз. Из фондов ПМЗ

озерной низине, их темно-серые срубы и крыши, покрытые почерневшей от дождей дранкой.

Не в восторге был Михаил Иванович и от сельской общины, которая, по его мнению, «давая известного рода удобства», в то же время «с ее переделами и черезполосицей служит причиною неудовлетворительного состояния сельского хозяйства и составляет дальнейшее препятствие к его поднятию. Убивая личную инициативу и выравнивая всех по середняку, земельная община консервативна и рутинна»⁵.

Добавлю, что старейшина переславских краеведов весьма отрицательно относился к изменениям в духовной сфере деревни. Народную веру он оценивал как двоеверие, при котором «основа христианства — заповедь о братстве и любви к ближнему и осуществление ее в жизни, чужда народу за редким исключением. Все же существо христианства сводится к внешности и обрядности: механическому выстаиванию служб, к поклонам, ставлению свечек, прикладыванию к иконам и тому подобному. Этому народом придается то же значение, что и магизму слов и действий в первобытных религиях. И не мудрено, духовенство, стоящее почти на одном культурном уровне с народной массой, не было его

4 Шестое воскресенье (после Пасхи) — церковный праздник Рыбной слободы в Переславле. О нем см. подробнее: ПЗ1. С. 73–74.

5 См.: Смирнов М.И. Переславль-Залесский уезд. С.38.

духовным вождем, а лишь механическим исполнителем служб и треб». И поэтому, по мнению краеведа, отношение и к попу, и к колдуну примерно одинаково: *«боятся того и другого, а без того и другого обойтись нельзя»*. Правда, значение и роль колдунов и колдуний, на взгляд Михаила Ивановича, в последнее время заметно упали, хотя, по народному поверию, они и сейчас пускают народу килы, портят людей и пр. *«Они остаются посредниками между домовыми, лешими и прочей нечистой силой, правда, поредевшей к нашему времени, но все еще не оставляющей в покое крещеный люд»*⁶.

Конечно, в этом резко отрицательном отношении М.И. Смирнова к православию и к православному духовенству очевидно проявляется известная односторонность, связанная, как с общим официальным антицерковным настроением революционной эпохи, так и с личной его судьбой, о чем он сам пишет в своих воспоминаниях⁷.

Еще больше, чем состояние массовой веры, его возмущает народная мораль. *«Полагая, что поставленной свечкой или отслуженным молебном можно откупить свой грех, народ, учитывая это, в жизни проявляет много жестокого, черствого друг к другу, лживого, своекорыстного. Особенно наглядно открылось это в революцию. Как будто вскрылся гнойник души народной и взору наблюдателя предстала картина хищения, грабежа, обмана, предательства и тому подобного. Грубость нравов как спутник невежества царит века и принимает дикие формы в виде хулиганства, пьянства, воровства и особенно*

6 Там же. С. 40.

7 Смирнов М.И. Как я стал краеведом // Смирнов М.И. Переславль-Залесский. Исторический очерк 1934 г. Переславль-Залесский, 1995. С. 12–13.

8 Смирнов М.И. Переславль-Залесский уезд. С. 40–41. Кстати говоря, в словах М.И. Смирнова о «матерщине» я увидел ключ к давно занимавшей меня загадке о явно неполной аутентичности фольклорных коллекций переславских краеведов — М.И. Смирнова и С.Е. Елховского, так и ряда сводных региональных фольклорных публикаций того времени да и в целом советского периода. В них меня смущало практически полное отсутствие ненормативной лексики, вообще обсцента, что невозможно себе представить любому фольклористу и вообще человеку, как-то причастному к жизни деревни да и в целом к русской жизни. Исходя же из приведенного мнения М.И. Смирнова, которое, я думаю, полностью разделяя и его младший коллега С.Е. Елховский, становится более понятным и их отношение к возможности записи и главное — публикации названного слоя фольклора. Ведь свою деятельность они рассматривали не только как служение науке, но и как служение своему краю, его возрождению и процветанию. И в этом процессе они явно не хотели видеть тех отрицательных сторон жизни своей родины, которые, на их взгляд, ее отнюдь не украшали. Поэтому им трудно было придерживаться более отстраненного, научного взгляда на эту сторону местной народной культуры. Вообще, вопрос этот довольно сложный и требует специального изучения, к которому я надеюсь вернуться. См. на эту же тему записи М.М. Пришвина в дневнике переславского периода: Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. Кн. 5. М., 2003. С. 42, 64, 66, 88–89.

5. Водосвятие. Из фондов ПМЗ

сквернословия. Последнее — постыднейшая из привычек, унижающая великоросов среди народов мира, настолько глубоко вкоренилась и выросла в местную жизнь, что позорная матерщина раздается во всех углах каждого селения ежедневно»⁸.

Не лучше его мнение и о происходящих в последнее время изменениях в фольклоре. На его взгляд, частушки («потявкушки»), режущие звуки «тальянки» да «бульварный городской романс» пришли на смену прежним прекрасным песням и музыкальным мотивам, гуслим и свирелям. По его словам, «в этом отношении, как, впрочем, и во всех сторонах народного искусства, замечается тревожный перелом, даже упадок. Все новое, в противоположность прежнему идеализму и символизму, реалистическое и притом дурного тона. Прямо в глаза бросается эта разница, и не в одном только словесном и музыкальном творчестве. То же самое можно видеть

в области изобразительного искусства, в иконе, настенной церковной живописи и прочем; в прикладном искусстве — вышивке, резьбе, костюме и так далее. Здесь тот же регресс, кладущий грань между старым и новым. Так оставленный на произвол судьбы народ тянется к новой культуре и, встретив на своем пути полукультурные слои города, принял от них малоценное и заменил им красочную старину»⁹.

Очень противоречиво Михаил Иванович относится и к сельским праздникам — храмовым и местным — с их «разливанным морем зелена вина» в недавнем прошлом, а теперь (в начале 20-х гг.) «гнуснейшей самогонкой», которые «придают празднику грубый характер: толпы пьяных, шатающиеся и валяющиеся фигуры на улице, сквернословие, ссоры, игра в карты и пронзительная гармоника... Только хороводы девушек, или, по современной терминологии, «барышень», скрашивают эту картину и придают ей характер благопристойности и интереса»¹⁰.

И в этих характеристиках, как и в первой, на мой взгляд, отчетливо проявляется чрезмерный ригоризм и недостаточное понимание особенностей народной культуры, основанные, как я полагаю, на «научном» позитивистском подходе к обществу и культуре. Этот подход, получивший широкое распространение в XIX столетии в результате достижений тогдашней науки, прежде всего естественных ее отраслей, был заимствован и марксизмом, идейные истоки которого лежат в том же позитивизме.

С другой стороны, такое критическое отношение не мешало Михаилу Ивановичу любить свой край и работать над его изучением ради блага земляков, потому что, как он пишет «в сердце его (народа. — С.С.) продолжает жить чувство правды, стремление к высшим идеалам своего земного существования. Эта черта есть, но ее нужно развить, воспитать и усилить, чтобы народная совесть наконец засветилась полным огнем. А для этого требуется серьезное перевоспитание, настойчивая и непрестанная работа над оставлением дурных привычек и вместе с тем по воспитанию истинно культурных понятий, привитию устойчивой морали и этики»¹¹.

Как мне представляется, начало работы над этой большой задачей, намеченной М.И. Смирновым¹², было заложено им самим и объединившимися вокруг него краеведами-энтузиастами, одним из которых на короткое, к сожалению, время стал и М.М. Пришвин, приглашенный М.И. Смирновым в Переславль в надежде, что он создаст произведение, достойное Переславского края. И нужно сказать, что эту надежду писатель, на мой взгляд, блестяще оправдал. У Пришвина образ Переславля

9 Там же. С. 41.

10 Там же. С. 38.

11 Там же. С. 41.

12 О ней он неустанно повторял и в своей книге «Переславщина» — «Переславщина. Источники и материалы для краеведения, их систематизация и обзор» // ДПЗНПО. Вып. 9. Переславль-Залесский, 1921. С. 1–78.

и здешнего края наиболее ярко отражен в книге «Родники Берендея», опубликованной в 1925 г. в журнале «Красная новь», а в 1926 г. вышедшей отдельным изданием. Позднее под заголовком «Весна» она была включена писателем в книгу очерков «Календарь природы», и тем самым, к сожалению, было утеряно великолепное, на мой взгляд, к тому же чисто переславское название. Благодаря этой чудесной книге образ переславской земли стал достоянием всех ее тогдашних и будущих читателей, то есть самой широкой общественности, явился дополнительным штрихом к общей художественной картине России, созданной в отечественной литературе. Вместе с тем базовые, знаковые составляющие образа Переславщины у Пришвина в целом те же, что отражены в трудах М.И. Смирнова и, видимо, в экспозиции созданного им музея. Это вполне понятно уже и из самой пришвинской книги — основным проводником автора по здешнему краю в ней выступает «местный историк», «переславльский собиратель земли»¹³, которого Пришвин иногда называет и по имени — Михаил Иванович, т.е. М.И. Смирнов.

Все пространство небольшой книжки Пришвина густо населено переславцами прошлых и современных писателю времен. Наряду с Александром Невским, Иваном Грозным, Петром I, тут и Никита Столпник, с именем которого связано название одного из подгородных монастырей, и неизвестные зодчие переславских храмов и монастырей, и крестьяне — особенно из села Веськово, расположенного между Переславлем и «Ботиком», и переславские охотники, и краеведы, прежде всего историк Михаил Иванович и энтомолог Сергей Сергеевич (Гиммельсон). В созданный Пришвиным образ Залесья органично вписаны и древние охотники и рыболовы, стоянки которых, если исходить из пришвинской повести, краеведы исследовали во время экспедиции «на попе» по речкам Нерли и Кубре¹⁴, в которой активно участвовал писатель, и крестьяне — действующие лица обрядового представления «Крапивное заговенье», сохранившего отголоски языческих воззрений наших предков, описание которого было одной из целей этой экспедиции, и деревенская молодежь с песнями и частушками. Да и в целом все пришвинское повествование пронизано местным фольклором — тут и рассказы и легенды веськовских крестьян о Петре I (по одной из них, в озере есть язь с золотым кольцом, а «пустил его Петр Первый»)¹⁵, и выразительные описания и рассказы местных рыбаков о способах добычи рыбы, присказки, поговорки, топонимические и исторические легенды, бытовые рассказы, приметы, диалектизмы и образцы новояза.

13 Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М., 1983. С. 175.

14 В реальности же, по словам М.И. Смирнова, это было на месяц позже, во время очередного приезда археолога А.А. Спицина — ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 12об. В недавно вышедшей книге «Михаил Пришвин и российская археология» (М., 2011) ее автор И.Н. Ершов полагает, что прав был скорее писатель (с. 131–160).

15 Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. С. 184.

Одним из главных героев пришвинской повести является Плещеево озеро — то ранней весной, все во льду и только отороченное узенькой голубой полоской заберегов, с плывущими над ним журавлями, то уже освободившееся из зимних оков, когда *«весь небесный свод со своими градами и весями, лугами и пропелеями и простыми белыми ба-рашками почивал там, в зеркальном озере, гостил так близко у нас, у людей...»*¹⁶.

Словом, большинство символов, значимых для представления о крае и отраженное в локальной переславской идентичности, нашло свое яркое воплощение в повести «Родники Берендея».

Не менее, а может быть, и более интересен для характеристики Переславского края дневник писателя, который он вел в пору жизни на Ботике (апрель 1925 г. — июнь 1926 г.)¹⁷, где поселился по приглашению М.И. Смирнова. Край этот он застал в период, можно сказать, расцвета нэпа, когда эксцессы, связанные с переходом от одной власти к другой, с захватом помещичьих земель и усадеб, голодом и нехваткой самого необходимого, уже миновали. Основная масса населения — крестьяне — жили в своей привычной среде, в привычном ритме. До эпохи Великого перелома, сердцевиной которого стала коллективизация, было еще почти пять лет. Поэтому период жизни в Переславском крае для Пришвина оказался счастливым — он жил в единении с прекрасной природой, со своим творчеством, и до поры до времени и люди, его окружавшие, виделись ему в некоем идеальном, гамоничном свете. Мне кажется, тогда на какое-то короткое время Переславский край слился для него с образом прекрасной воображаемой страны. Недаром же он в своем дневнике назвал Переславщину краем, где не было революции. Предлогом для этой записи послужило приглашение председателя Вельковского сельсовета прийти к нему в гости на их (вельковский) престольный праздник. И когда председатель со своим кумом сапожником (оба уже сильно пьяные) сами пришли звать Михаила Михайловича, он им сказал:

«— Край у вас какой милый, революции у вас совсем не было!

6. Плакат первых послереволюционных лет. Из фондов ПМЗ

16 Там же. С. 218.

17 Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 245–365; его же. Дневники. 1926–1927. С. 5–105.

7. Члены Сольбинской коммуны. 1921 (?) г. Фото С.И. Кусина. Из фондов ПМЗ

— Ни малейшей, — ответил председатель»¹⁸.

Однако она в известном смысле была и здесь и произвела перемены в местной жизни¹⁹, и писатель в своем дневнике время от времени фиксирует приметы этого: например, рассказ молодого мельника — соседа Пришвина, бывшего помещика, поведавшего, как мужики выгоняли его из имения. Он, по его словам, ненавидит мужиков, потому что *«они всё лгут, всё стерегут вас, как бы содрать, как забить, жестокие, коварные, злые, мелочные до гвоздика, трусы, хамы...»*.

- 18 Пришвин М.И. Дневники. 1923–1925. С. 282; Уже из беглого сравнения приведенных цитат из работ М.И. Смирнова и из дневника М.М. Пришвина видно различие в их подходе к описанию Переславского края, к созданию его настоящего и прогнозируемого образа. Краевед создавал последний, основываясь, как он полагал, на научном критическом подходе к действительности, с тем чтобы, отталкиваясь от нее, сформировать более достойное будущее края. Писатель же из настоящего и прошлого отбирает наиболее привлекательные черты Переславычины, любовно создавая, по существу, идеализированный образ края и его жителей, что дает возможность уже сейчас делать их лучше, чем они есть на самом деле. И, на мой взгляд, романтически-утопический образ края, созданный писателем, более продуктивен с точки зрения достижения позитивных изменений в местной жизни, чем научно-критический подход краеведа. И в то же время их объединяет родственное, любовное отношение к Переславскому краю.
- 19 См.: Смирнов М.И. Переславль-Залесский. Исторический очерк 1934 г. С. 305–314; Колесников М.М. Установление советской власти в Переславском уезде: сборник документов. Переславль-Залесский, 2008; Савоскул С.С., Макашина Т.С., Рубцова С.Б. С.Е. Елховский и его фольклорно-этнографическое собрание // ПЗ1. С. 18–20.
- 20 Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. С. 250–251.

В ответ на это горячее признание писатель заметил ему: *«Вы очень молоды... и мало страдали и не нашли в себе самом личность; когда вы в себе разберетесь, то и мужики не будут вам мужики вообще, а очень разные люди: хороших людей между ними не меньше, чем в вашем дворянском классе...»*²⁰

А в другом месте, размышляя на тему о революции в здешнем краю, Михаил Михайлович записал: *«В краю, где не было революции, однако, незаметно произошла перемена в умах (человек в 50 лет сказал: “Если Бог не посто-ял за нас в то время, значит, его и нет”. “Отчего, — ответил печник, — он, может быть, и есть, да ему до нас все равно как до комаров”. — “Ну какой это Бог! Тогда уж пусть будет лучше человек”. — “Да и человек тоже, если поставить его на всю власть, то как же он может вникнуть в каждого, что кому нужно”»*²¹.

Или вот такие разнообразные приметы новой жизни:

*«Зарождение легенды о назначении колокола св. Варвары из Переславля в Москву для обслуживания в Сандуновских банях». И рядом: «На Ботике праздник пионеров, учительницы речь: три основных требо-вания, предъявляемых к пионерам, наследство Ильича, поняли? Ну ко-нечно, поняли. Интернационал. От каждого осталась бумажка (взять от природы, но дать? — бумажку)»*²².

А вот еще очень характерный эпизод, живо характеризующий период нэпа и его героев:

«На Ботик приехал на велосипеде председатель горсовета Анисимов, высокий бритый молодой человек с золотыми зубами, конечно, в галифе. Но я не знал, что он комиссар, и беседовал с ним как с “обывателем”. Он мне рассказал, как его заперли белые в сарай и хотели на заре расстрелять, но он убежал. “А как же часовой” — спросил я. “Часового я задушил”, — от-ветил он совершенно спокойно, как будто я спросил: “А замок?”, — а он от-ветил: “А замок я сломал”. “Но, — говорю, — вам, вероятно, не хотелось бы еще раз сидеть в сарае и душить человека”. “Нет, — сказал он решительно, — не хотелось бы”. “Вот так и всем, — говорю, — оттого и революции нет”. Он так и вскинулся: “Как нет революции?” Верно, я так задел эту новую советскую “честь” и поспешил поправиться: “Не революции, а со-ответствующего революции подъема, как теперь подымешься, если все во всем отмерено”. — “Да, время фантазий кончилось”. — “Фантазия, — гово-рю, — это ничего, это избыток творческих сил, возьмите, например, школу и планы Гуса”²³. “Да я знаю, — сказал он, — Дальтон-план”²⁴ и разное такое, но почему же вы думаете, что это избыток творческих сил?»

21 Там же. С. 290.

22 Там же. С. 303.

23 Имеется в виду созданный при Академии наук Государственный учебный совет, включавший в себя и научно-педагогическую секцию (см.: Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. С. 573).

24 Дальтон-план — образовательный проект, осуществлявшийся в местечке Дальтон под Чикаго под руководством известного педагога и психолога Джона Дью (см.: Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. С. 573).

8. На пахоту. Колхоз с. Загорье. 1930 г. Из фондов ПМЗ

Потом мы говорили о его родине Муроме, и так любовно говорил он о своей родине. Такие теперь коммунисты, это блудные дети, усталые возвращаются к отцу на свою родину»²⁵.

Казалось бы, в последней оценке писатель несколько ошибся. Ведь впереди было еще много такого, что заставило его не раз ужаснуться. Но в его словах о возвращении блудных детей на свою родину, я думаю, было много правды, что показал своей жизнью К.И. Иванов, через несколько лет сменивший М.И. Смирнова на посту директора Переславского музея и проработавший там сорок лет²⁶.

И теперь я хочу обратиться к дневнику Иванова, который он вел в первые годы своего директорства — в 1931–1932 гг. В данном случае этот человеческий документ интересует меня как источник сведений о коллективизации в переславской деревне, о которой Константин Иванович знал не понаслышке — его как молодого коммуниста в ту пору не раз отправляли в уезд в связи с проблемами по организации колхозов, хлебозаготовок и пр. Так, 29 марта 1931 г. он отправляется для решения вопроса о коллективизации в д. Загорье, затем 30 марта идет в д. Никитскую²⁷.

25 Там же. С. 52.

26 Об К.И. Иванове см.: Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // ЭО. 2011. № 6. С. 94–96.

2 апреля прямо из музея, не закончив, к его сожалению, какие-то музейные дела, он должен был выехать по поводу хлебозаготовки. *«Но что делать, — пишет он, как бы оправдывая в собственных глазах невольный отрыв от любимого дела. — Борьба за хлеб, борьба за социализм! Надо работать»*²⁸. И уже 3 апреля отмечает: *«Пришлось у двоих изъять имущество за невывоз хлеба...»* А ночует в сельсовете на столе, укутавшись отобранными в тот день шубами²⁹. 24 апреля 1931 г. записывает: *«В райкоме командируют меня в Веслевский с/совет на коллективизацию»*. И 26 апреля: *«Утром... идем к колхозникам. Проверяю готовность к севу — молодцы ребята, все в аккуратности. Сделал два снимка. Идем в Веслево — побеседовал с председателем с/совета Тимофеевым. Зашел в кооперацию, взял песку, воблы. Фомич, счетовод, принес молоко — закусываю. Явилась куча представителей из города — больше по делам кооперации. Составили план проведения 1-го мая и дня первой борозды. Согласовали. Начинаем действия с 28-го апреля. Иду домой. Чувствуется праздничный день. Бабы высыпали на завалины, ребята играют в лапту, в чувиль. В голубом небе напеваает жаворонок, кричат чайки. На озере опять рыболовы. Иду. Свист на фабрике "Красное эхо". Свисток — 6 часов вечера»*³⁰.

И вот — 1 мая 1931 г.: *«Крестьяне д. Веслево высыпали с плугами делать "первую борозду". Фотографирую. Идем в поле. Школьники несут флаги. Собралось 35 крестьян. Первая борозда вспахана. Идем в д. Евсеево. Здесь трибуна — елки, плакаты. Собрались со всех деревень. Пестрят флаги. Песни, крики "ура!". Проводим митинг. Фотографирую. Выезжает колхоз в поле. Здесь совсем иное. Вместо разрозненных плужков парные взрывают поле. Чувствуется превосходство перед единоличником. Организованность. Дружба. Фотографирую. После "первой борозды" общественный чай. Однако начинает серьезно, по-настоящему, настойчиво прививаться в деревне советский быт»*³¹.

12 июля 1931 г. Переславский райком ВКП(б) срочно командирует К.И. Иванова в Скомороховский сельсовет. На следующий день он вместе с рабочим московского электростанции венгерским политэмигрантом Ружаю проводит собрание в с. Половецком. Политэмигрант рассказывал об ударном труде на своем заводе. Потом выступают крестьяне *«Много кричат. Вопрос щекотливый. И в результате за резолюцию (о создании колхоза. — С.С.) голосуют 11 человек, а в колхоз записываются лишь двое»*. Вечером этого же дня проводят собрание на ту же тему в Скоморохово. *«Опять нажимаем. Но не тут-то было. Шум, гам. Расходимся с пустым»*. Утром 14 июля отправляется в сельсовет, видимо, чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос об организации колхоза.

27 ПМЗ НА ФИ 84: 42об.

28 Там же: 43об.-44.

29 Там же: 44об.-45.

30 Там же: 56об., 57об.

31 Там же: 61-61об.

Потом *«на велосипеде крою в деревню Акулово. Собрал бедноту. Говорю о коллективизации. Кстати проверил работу члена с/совета Егорова»*. В этот же день Константин Иванович побывал еще в д. Паны, где в сельсовете собирается пленум на ту же тему³².

Вот так, под шум и гам мужицких собраний, под нажимом уполномоченных, с фотографиями первой борозды и деревенских митингов закончился короткий период доколхозной деревни и началась совсем другая жизнь, коренным образом перевернувшая и Переславский уезд, и всю Россию.

2. О ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЯХ
С.Е. ЕЛХОВСКОГО И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ
В ПЕРЕСЛАВСКОМ УЕЗДЕ

В данном, наибольшем по объему разделе сборника помещены фольклорные и этнографические материалы С.Е. Елховского, собранные им на протяжении 1920-х гг. почти в 80 селениях Переславского уезда — практически в каждом четвертом его сельском поселении³³. Как и другие разделы, он начинается с описания календарных обрядов, прежде всего масленицы, о которой Сергеем Евгеньевичем собран большой и интересный материал. Подавляющая его часть и находится в настоящем разделе. С помощью составленной им специальной анкеты он получил от своих корреспондентов — учителей, учащихся школы взрослых и крестьян — описания масленичной обрядности из 37 сел и деревень Переславского у. В сборник по масленице (№ 11) собиратель включил и описание масленичных обрядов с. Черницкое Александровского у., соседнего с Переславским. В раздел вошел и небольшой материал по летней, троичкой обрядности, записанный им в 1923 г. в с. Ивановском. Большой интерес представляют описания переславской свадьбы, сделанные в селах Романове Осуровской волости³⁴ и Филипповском и в д. Маурино. Большую же часть раздела занимают песни.

32 Там же: 85–86об.

33 Переписью 1926 г. в Переславском у. отмечено 465 поселений, из них около 120 крайне мелкие населенные пункты с числом жителей до 10 человек — лесные сторожки, мельницы, хутора, железнодорожные будки. — СПФА РАН. Ф. 135. Оп. 3. Ед. хр. 23.

34 В Переславском у. было два с. Романово. Относительно выше названного Романова С.Е. Елховский ошибочно указал «Погостовской волости», хотя такой в уезде (судя по переписи 1926 г.) не было. О другом Романово собиратель, чтобы отличить его от первого, также ошибочно писал «Смоленской волости» (ее тоже не было), в то время как оно входило в Берендеевскую волость. Эти ошибки, очевидно, связаны с тем, что неподалеку от первого Романова находилась д. Погост — центр одноименного сельского совета, а недалеко от второго — с. Смоленское, также центр сельсовета. При этом оба Романова в названные сельсоветы (по крайней мере, в 1926 г.) не входили. — См.: там же. Л. 237–294, 383–472.

Их здесь немногим больше 200, из них чуть больше половины свадебные; около полусотни лирических песен, больше половины которых поздние; совсем немного календарных обрядовых песен, около десятка хоровых и игровых, примерно столько же исторических (вместе с солдатскими), тюремных, воровских и т.п., а также песен литературного происхождения³⁵. Учитывая достаточно массовый характер песенного материала и весьма репрезентативный (для Переславского у.) его территориальный охват, можно сказать, что данные С.Е. Елховского в целом подтверждают некоторые наблюдения и выводы о судьбе русской народной песни в первые послереволюционные годы, сделанные рядом фольклористов, в том числе Б.М. и Ю.М. Соколовыми. В их числе мысль о постепенном исчезновении календарной обрядности и календарных песен³⁶ на фоне относительной сохранности и широкого бытования семейной, в частности, свадебной обрядности и связанных с нею песен. В какой-то мере переславские материалы подтверждают также мнение Ю.М. Соколова и ряда других фольклористов о том, что в то время старинные протяжные песни продолжали еще жить полной жизнью, что их не забывала и молодежь (вспомним в этой связи и песни куряниновских девушек и возникновение в молодежной среде новой песни-баллады). Правда, по мнению Ю.М. Соколова, деревенская молодежь в последние годы все большее предпочтение отдает «коротеньким» песням — частушкам³⁷. В отличие от собственно песен, среди которых в собрании С.Е. Елховского сравнительно немного таких, в которых получили отражение революционные события и новые социально-политические явления, частушки гораздо активнее реагировали на реалии новой жизни. Подобные процессы в жизни русской народной песни были отмечены результатами исследований того времени и в других русских регионах³⁸.

- 35 Примерно такой же характер песенного репертуара зафиксирован экспедицией под руководством Ю.М. Соколова в Переславль-Залесский у. в 1924 г., которой было собрано около 600 песен. — Потявин В.М. Изучение русской народной песни (1917 — 1930-е гг.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М., 1968. С. 179. Эта экспедиция состояла преимущественно из студентов 1-го МГУ и других вузов. Всего ею записано 1734 текста. — Коротин Е.И. Принципы организационно-сборительской работы в фольклористике 1920-х гг. (Б.М. Соколов) // Там же. С. 125. Об экспедиции Ю.М. Соколова в Переславский у. в 1924 г. см. подробнее: Смолицкий В.Г. Русская деревня. 1924 г. Фольклорная экспедиция в Переславль-Залесский под руководством Ю.М. Соколова // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. М., 2006; Добровольская В.Е. Экспедиция Ю.М. Соколова в Переславль-Залесский уезд Владимирской губернии в 1924 году // Тверское фольклорное поле — 2010: доклады и публикации: памяти Ю.М. Соколова (1889–1941) / Под ред. А.А. Петров, М.В. Строганов. Тверь, 2011.
- 36 При этом традиционные календарные праздники, особенно святки и масленица, судя по материалам С.Е. Елховского, бытовали еще очень широко.
- 37 Потявин В.М. Указ. раб. С. 180.
- 38 См. об этом: Потявин В.М. Указ. раб. С. 174–183.